

СОДЕРЖАНИЕ

1. Технология поведения	9
2. Свобода	37
3. Достоинство	57
4. Наказание	75
5. Альтернативы наказанию	101
6. Ценности	121
7. Эволюция культуры	151
8. Проектирование культуры	171
9. Что такое человек?	215
Примечания и дополнительная литература	251

Посвящается Джустин и ее вселенной

ТЕХНОЛОГИЯ ПОВЕДЕНИЯ 1

Пытаясь решить ужасающие проблемы, которые стоят перед нами в современном мире, мы, естественно, обращаемся к тому, что умеем делать лучше всего. Мы играем от силы, а это наука и технологии. Чтобы сдержать демографический взрыв, ищем лучшие методы контроля рождаемости. Из-за угроз ядерным холокостом создаем более мощные способы сдерживания и системы противоракетной обороны. Пытаемся предотвратить мировой голод с помощью новых продуктов питания и лучших методов их выращивания. Улучшение санитарных условий и медицины, как мы надеемся, поможет справиться с болезнями. Улучшение жилищных условий и транспорта решит проблемы гетто, а новые способы сокращения или утилизации отходов остановят загрязнение окружающей среды. Мы можем указать на замечательные достижения во всех этих областях, и неудивительно, что необходимо расширять их. Однако ситуация неуклонно ухудшается, и с сожалением приходится констатировать: в этом все чаще виноваты сами технологии. Санитария и медицина обострили проблемы народонаселения, война стала еще ужаснее с изобретением ядерного оружия, а погоня за счастьем в достатке в значительной степени ответственна за за-

грязнение окружающей среды. Как сказал Дарлингтон*: «Каждый новый источник человеческой власти на земле использовался для уменьшения перспектив потомков. Весь прогресс цивилизации достигнут за счет ущерба, нанесенного окружающей среде, который люди не в силах исправить и не могли предвидеть».

Независимо от того, можно ли было предвидеть ущерб или нет, люди должны его устранить, иначе всему конец. И сделать это можно, если осознать природу трудностей. Применение лишь физических и биологических наук не позволит разобраться, поскольку решения лежат в другой области. Лучшие контрацептивы способны контролировать численность населения, только если люди их используют. Новое оружие можно противопоставить новой оборонительной системе и наоборот, но ядерный холокост можно предотвратить лишь тогда, когда изменятся условия, в которых государства развязывают войны. Новые методы сельского хозяйства и медицины не помогут, если их не применять на практике, а жилье — это вопрос не только зданий и городов, но и образа жизни. Перенаселенность можно устранить, только побудив людей не тесниться, а состояние окружающей среды продолжит ухудшаться, пока не прекратится загрязнение.

Если коротко: требуются огромные изменения в поведении человека, и этого не сделать с помощью одной

---

* Сирил Дин Дарлингтон (19 декабря 1903 — 26 марта 1981) — английский ботаник и генетик, принадлежит к числу создателей цитогенетики, классик цитоэмбриологии растений, один из создателей синтетической теории эволюции (*Прим. ред.*). Darlington C. D. *The Evolution of Man and Society*. Quoted in *Science*, 1970, 168, 1332.

физики или биологии, как бы мы ни старались. (Есть и другие проблемы, такие как распад системы образования, недовольство и бунт молодежи, к которым физические и биологические технологии настолько очевидно не имеют отношения.) Недостаточно «использовать технологии с углубленным пониманием человеческих проблем», или «посвятить технологии духовным потребностям человека», или «побудить ученых обращать внимание на людские трудности». Подобные формулировки подразумевают, что в точке, где начинается человеческое поведение, технология кончается и мы должны продолжать, как и в прошлом, пользоваться тем, что узнали из личного опыта или из тех коллекций личного опыта, которые называются «историей», или из сборников опыта, которые можно найти в народной мудрости и традиционных правилах. Они доступны на протяжении веков, и все, что мы в силах показать с их помощью, — сегодняшнее состояние мира.

Что нам нужно, так это технология поведения. Мы могли бы разобраться со всеми вопросами достаточно быстро, если бы регулировали рост населения планеты так же точно, как курс космического корабля, или совершенствовать сельское хозяйство и промышленность с такой же уверенностью, с какой ускоряем частицы высоких энергий, или двигаться к установлению мира на планете с той же неуклонностью, с какой физики приближаются к абсолютному нулю (хотя и то и другое остается, по-видимому, недостижимым). Однако технологии поведения, сравнимые по мощности и точности с физическими и биологическими, отсутствуют, и те, кому сама возможность не кажется смешной, скорее напуганы, чем обнадежены. Вот насколько мы да-

леки от «понимания человеческих проблем» в том смысле, в котором физика и биология понимают свои области, и насколько далеки от предотвращения катастрофы, к которой, похоже, неумолимо движется мир.

Две с половиной тысячи лет назад можно было сказать, что человек понимает себя так же хорошо, как и любую другую часть окружающего мира. Сейчас он понимает себя меньше всего. Физика и биология проделали огромный путь, но сравнимого развития науки о человеческом поведении не произошло. Древнегреческие физика и биология сегодня представляют разве что исторический интерес (ни один современный физик или биолог не обратится за помощью к Аристотелю), хотя «Диалоги» Платона по-прежнему задают студентам и цитируют, словно они проливают свет на человеческое поведение. Аристотель не смог бы понять ни страницы современной физики или биологии, зато Сократ и его друзья без труда разобрались бы в большинстве современных дискуссий о человеческих делах. Что касается технологий: мы добились огромных успехов в управлении физическими и биологическими системами, но наши методы управления, образования и экономики, хотя и приспособлены к совершенно другим условиям, существенно не улучшились.

Вряд ли можно объяснить это тем, что греки уже знали все что можно о человеческом поведении. Конечно, в этой теме они разбирались больше, чем в материальном мире, и все равно не так уж хорошо. Более того, их представление о человеческом поведении наверняка имело некий фатальный изъян. Если античные физика и биология, какими бы несовершенными ни были, в итоге привели к современной науке, то древнегрече-

ские теории человеческого поведения никуда не привели. Если они сохранились до наших дней, то не потому, что обладали какой-то вечной истиной, а потому, что не содержали предпосылок для чего-то большего.

Всегда можно возразить, что человеческое поведение — это особенно сложная область. Так и есть, и мы особенно склонны так думать именно потому, что плохо в ней ориентируемся. Современные физика и биология успешно занимаются предметами, которые, безусловно, не проще многих аспектов человеческого поведения. Разница в том, что используемые приборы и методы имеют соизмеримую сложность. Тот факт, что в области человеческого поведения нет столь же мощных инструментов и методов, не объясняет ситуацию; это лишь часть головоломки. Действительно ли легче отправить человека на Луну, чем повысить уровень образования в государственных школах? Или построить лучшее жилье для всех? Обеспечить каждому возможность иметь достойную работу и, как следствие, более высокий уровень жизни? Это не вопрос выбора, так как никто не сказал бы, что попасть на Луну важнее. Привлекательность полета на Луну заключалась в его осуществимости. Наука и технология достигли того уровня, когда одним мощным рывком можно добиться желаемого. Проблемы, связанные с человеческим поведением, не вызывают такого же восторга. Мы и близко не подошли к решению.

Легко прийти к выводу: в человеческом поведении есть нечто, что делает научный анализ, а значит, и эффективные технологии невозможными, но мы отнюдь не исчерпали возможности. В определенном смысле можно сказать, что научные методы почти не приме-

нялись к человеческому поведению. Мы использовали инструменты, считали, измеряли и сравнивали, однако во всех современных дискуссиях о человеческом поведении отсутствует нечто необходимое для научной практики. Это связано с нашим отношением к причинам поведения. (Термин «причина» больше не является общепринятым в специфической научной литературе, но здесь подойдет.)*

Первый опыт понимания причин, вероятно, усвоен человеком из собственного поведения: вещи двигались, потому что он их двигал. Если двигались другие предметы, это происходило потому, что их двигал кто-то другой, а когда двигавшего нельзя увидеть, значит, он невидим. Таким образом, причиной физических явлений служили греческие боги. Обычно они находились вне вещей, которые двигали, но могли проникать и «вселяться»** в них. Физика и биология вскоре отказались от подобных объяснений и обратились к более подходящим. Только в области человеческого данный шаг так и не совершили. Благоразумные люди больше не верят, что человек одержим бесами (хотя их изгнание иногда практикуется, а демоническое вновь встречается в работах психотерапевтов), и все же поведение человека по-прежнему часто приписывают обитающим в нем агентам. Например, о малолетнем преступнике говорят, что он страдает

---

* Что больше не встречается в сложных научных трудах, так это причинность, характерная для науки XIX века. Причины, о которых здесь идет речь, — это, технически говоря, независимые переменные, от которых поведение является функцией как зависимая переменная. Подробнее см. НЧП, глава 3.

** Подробнее см. в *Contingencies of Reinforcement: A Theoretical Analysis* (New York: Appleton-CenturyCrofts, 1969), глава 9.

от нарушений личности. Не было бы смысла так говорить, если бы личность не была каким-то образом отлична от попавшего в неприятности тела. Различие становится совершенно очевидным, когда говорят, что одно тело вмещает несколько личностей, которые управляют им по-своему в разное время. Психоналитики выделили три таких личности — Я, Сверх-Я и Оно, а взаимодействие между ними, как утверждается, отвечает за поведение человека, в котором они находятся.

Хотя в физике вскоре перестали персонифицировать вещи таким образом, долгое время продолжали повторять, будто они обладают волей, импульсами, чувствами, целями и другими фрагментарными атрибутами обитающего в них агента. Согласно Баттерфилду*, Аристотель считал, будто падающее тело ускоряется, так как начинает ликовать по мере приближения к дому, а более поздние авторитеты предполагали, что снаряд несется вперед под действием импульса, называемого «импульсивностью». От всего этого в конце концов отказались, и к лучшему, но науки о поведении по-прежнему апеллируют к сопоставимым внутренним состояниям. Никого не удивляют слова, что человек, несущий хорошие новости, идет быстрее, поскольку радуется; действует неосторожно из-за импульсивности; упрямо продолжает действовать благодаря силе воли. Небрежные ссылки на умысел все еще можно найти и в физике, и в биологии, однако в надлежущей практике им нет места. Тем не менее почти все приписывают человеческое поведение намерениям, целям, замыслам и задачам. Если все еще уместен вопрос,

---

* Сэр Герберт Баттерфилд — британский историк, профессор Кембриджа (*Прим. науч. ред.*).